

Е. В. ИВАНОВА

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ ДОБРА И ЗЛА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМА МОНОЛОГА ИЛИ ДИАЛОГА

Статья посвящена анализу диалектического взаимодействия таких важнейших сторон жизни современного человека, как добро и зло. Возможно ли «абсолютное добро» и есть ли «абсолютное зло»? Почему так привлекательны inferнальные герои в современном мифотворчестве? Автор формулирует основные философские модели взаимоотношения добра и зла в современном поликультурном мире.

Миф, религия, добро, зло, религиозная мифология, религиозная этика

E. V. IVANOVA

THE DIALECTICAL INTERACTION OF BASIC MODELS OF THE GOOD AND THE EVIL IN MODERN POLICULTURAL WORLD: THE PROBLEMS OF A MONOLOGUE AND A DIALOGUE

This article is dedicated to the analysis of dialectical interplay of such essential aspects of life in the modern world as good and evil. Is there such thing as “the absolute good” or “the absolute evil”? Why are infernal heroes so popular on contemporary myth-making? The author defines the basic philosophical models of the relationship between good and evil in social and cultural communications.

Myth, religion, good, evil, religious mythology, religious ethics

Рассуждая о диалектике добра и зла, можно выявить, что для одних людей какое-либо явление может оцениваться как злое, для других – наоборот. Это зависит от положения человека в обществе, интересов, воспитания и других культурных условий. Ведь даже одно и то же явление может быть в одних условиях, на одном этапе развития - добром, а на другом – злом, а также в разных мерах может быть или добром, или злом. Такое взаимодействие

можно назвать «релятивной» моделью. Основу такой модели составляет утверждение о субъективности человеческих состояний и эмоций, значение которых можно в любой момент переменить на противоположный знак. Но нас в гораздо большей степени интересуют религиозно-этические модели, т. к. они более значимо участвуют в процессах межкультурной коммуникации в современном мире. Первая модель присутствует в авраамических религиях, хотя отдельные предпосылки этой модели можно найти и в национально-государственных. Эта модель проявляет себя в виде религиозного дуализма добра и зла, выражающегося в их непримиримой борьбе. Следствием и реальным воплощением такой борьбы является видение мира через бинарные оппозиции – «свой-чужой», «враг-друг», «правда-кривда», «мир-война». Зародившись в религиозной мифологии, эти оппозиции и сегодня не дают возможности толерантного отношения к другим религиозным и иным ценностям и моделям поведения. Реализация данной модели на практике представляет собой монологичное декларирование правоты своей позиции со стороны силового принуждения «по правде», «во избежание греха», «во имя победы веры над инаковерием». В такой модели нет места диалогу, а есть вмешательство и подавление того, что кажется не правым. Возможны ли при явлении такой модели культурные коммуникации? Скорее это такая модель взаимодействия культур, которая по меткому выражению Н. Я. Данилевского, предполагает «прополку» чужой культуры. В таком случае коммуникации происходят по алгоритму диалектического взаимодействия освоения и отчуждения.

Таким образом, первая модель религиозно-этического дуализма предполагает борьбу двух самостоятельных, противоположных друг другу субстанций, но в процессе этого действия помогает им взаимоопределиться. «Что бы делало твое добро, если бы не существовало зло?» – знаменитый вопрос одного из inferнальных героев романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Вторая модель борьбы добра и зла – «зло как сознательно перевернутое добро», отклонение в противоположную сторону от добра, которое часто имеет место в обыденном сознании людей или в религиозной мифологии. Во второй модели усиливается эффект релятивности и этической субъективности. В кинематографе и художественной литературе в стиле фэнтези в эпоху постмодерна большое внимание уделяется инфернальным героям – вампирам, ведьмам, оборотням, зомби, колдунам и др. При этом интересно отметить, что «нет героя в своем Отечестве» - эти инфернальные герои культивируются вестернизацией и американизацией, а русские Баба-Яга, Кощей Бессмертный и другие сказочные герои так и остаются архаическим наследием язычества Древней Руси и никак не являются образцами для героизации в современных СМИ. Применительно к анализу второй модели подчеркнем, что есть основания для ее функционирования. Причинами инверсии, на наш взгляд, являются: 1. Секулярная культура. В секулярном мире и верят, и не верят в существование сверхъестественных существ. Героям дается возможность жить самостоятельной жизнью вместе с людьми и пытаться гармонично с ними уживаться; герои не дискутируют на религиозные темы спасения их души после смерти тела или того, что их ожидает после того, как их уничтожат, что весьма затруднительно, но возможно. 2. Феминизация. Изменение прав и свобод женщин позволяет им более активно выражать свои чувства, искать и бороться за свою любовь, даже, если любимый – «не такой, как все люди». 3. Разволшебствование мира. Поэтому инфернальным героем может вдруг оказаться любой – сосед по дому, друг, школьный учитель, студент колледжа. 4. Массовая культура, которая строится на «пирамиде тезауруса потребностей». По степени распространенности выделяются: проблема выживания (касается всех в первую очередь как биосоциальная проблема); проблема распространения (рождение детей, создание семьи, материальное и социальное благосостояние); проблема власти (иерархия социальных слоев, неравенство); проблемы коммуникации на уровне чувств (любви, дружбы, построения диалоговых отношений сотрудничества, заботы и пр.). Перечисленные уровни

и составляют основу массовой культуры потребления, где inferнальные герои, являясь отрицательными персонажами, в то же самое время обретают привлекательность: в процессе жизни inferнального героя он из абсолютного «монстра», несущего зло людям, превращается в рефлексирующее существо, раздумывающее над своими поступками, а затем начинает совершать и добрые деяния. Добавим ко всему этому харизматичность артиста, играющего inferнального героя (в разное время, например, вампиров играли Б. Питт, Р. Патинсон, Й. Соменхолдер, П. Уэсли). Так в результате инверсии как одного из приемов религиозного мифотворчества герои с отрицательной этической коннотацией становятся привлекательными образцами для подражания и обожания у большого количества поклонников и поклонниц, фанатов художественных фильмов и сериалов, а также читателей и читательниц романов, которые легли в основу кинематографических сюжетов [1. С.197] Следствием инверсии становится вывод о том, что «зло как сознательно перевернутое добро» на поверхности явления страшно, чудовищно, но если есть возможность взглянуть в суть явления, проанализировать философски, то есть возможность динамического возвращения к «дому добра» и внутри человека, и в обществе. Не потому ли так привлекательны inferнальные герои, что они не являются «застывшими мифами-образцами» монстров времен средневековья и стандартов фильмов жанра «хоррор»? Из двух вышеперечисленных моделей диалектического взаимодействия добра и зла, первую условно можно обозначить как дизъюнктивную, построенную по принципу: «или добро, или зло, а третьего не дано», а вторую – как «конъюнктивную» (и добро, и зло; добро, но и зло и т. д.).

Третья модель соотношения добра и зла раскрывается в религии бахаи. В данном случае происходит отождествление добра с благом, и тогда зло рассматривается как неполнота бытия. Исходя из доктрины Единства Бога, бахаи считают, что зло как таковое не может существовать, ибо бесконечная истина едина. Подобно тому, как тьма есть отсутствие или слабая степень света, то зло есть только отсутствие или неразвитое состояние добра. Зло

представляет собой небытие. Поэтому в религии бахаи нет надобности в олицетворении сил зла, в действии инфернальных сил, искушающих человека. Зло поэтому имеет сторону небытия, его нет, есть только неполнота добра. Такое зло вторично, зависимо от сил добра, осуществляющихся путем неправильного использования сил, которые сами по себе суть добра:

Четвертая модель прослеживается в восточной религии и философии – в даосизме. Дао, в отличие от греческого Логоса, не осознает сущее из противоположных стремлений, а следует спонтанному ритму мира, где одно чередуется с другим, день приходит на смену ночи. Кто следует этому, идет к добру, – так считают даосы [2. С. 256].

«Инь» и «ян» в строгом смысле не противоположны друг другу, они присутствуют друг в друге: Основная идея «Дао дэ цзин» - путь ненасилия, не нарушения природы вещей, путь естественного ритма - следование моральному закону Дао и плавный переход одного в другое. Сознание ориентировано на естественный ритм, на постоянную смену фаз. Одно не борется с другим, чтобы стать причиной гибели другого. Все вовремя происходит и вовремя уходит. Китайские мудрецы старались не столько достичь целого, сколько не прервать Единое, не нарушить Путь. Не прервать Единое можно лишь, избегая разрыва, вовремя повернуть, т. к. то «инь», то «ян» набирают силу, на грани Великого предела меры они меняются местами, как свет и тьма, тепло и холод, добро и зло. Следуя этому, сохранять равновесие, не приходить в противоречие с Бытием.

С точки зрения даосизма. зло, с одной стороны - это нарушение естественного порядка вещей, гармонии, Дао. Это как бы космическое зло (Хаос), которому противостоит Дао (Добро). С другой стороны, чередование добра и зла гармонично вплетено в Дао: как перемена весны на лето, плохого на хорошее, счастья на несчастье. Оно включено в саму идею колебательного движения «вперед-назад». Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг

друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое устремлены друг к другу. Для отечественной и западной культуры в процессе социокультурной коммуникации интересна и эта модель взаимоотношения ключевых этических категорий, а также загадочный принцип «ву-вей» - невмешательство. Все идет само собой, согласно закону Дао, человеку следует подождать, не сразу принимать решение, а если решил – то все обдумать. Любая попытка сразу вмешаться, «броситься в бой за правду-добро», пытаться со своей точки зрения что-то переменить – приведет к классическому обыденному выводу – «мы хотели как лучше, а получилось...». Чжуан-цзы считал, что человек должен действовать лишь тогда, когда поступок эффективен «а priori». Если же предпринимаемые усилия заранее обречены, то действовать вовсе не следует.[2. С. 274]. Конечно, для человека, живущего в социальных коммуникациях практической культуры постоянного активного преобразования вопрос о том, чтобы задуматься, «а надо ли вмешаться? А нужна ли тут моя сила?» решается в пользу первой модели взаимодействия добра и зла – «вмешаемся, а там будет видно». Вопрос об этике ненасилия до сих пор является дискуссионным. Монолога нет, диалога – также в традиционном смысле понимания взаимодействия добра и зла первых двух моделей.

Пятая модель диалектики добра и зла также присутствует в восточном мышлении, в индийской философии. Зло рассматривается как отдаленность от добра, приблизиться к добру можно, сознательно культивируя в себе три гармонично сочетающихся фактора познания, поведения и сосредоточения. В индийской философии знание и нравственность считаются неотделимыми не только потому, что нравственность или добродетель зависят от знания того, что хорошо по мнению всех философов, но также и потому, что совершенствование познания не представляется возможным без добровольного контроля своих страстей и предрассудков. Таким образом, в китайской и индийской религиозной мысли зло не имеет своей онтологической сущности, происходит констатация факта, что зло - отдаленность от центра Добра, искривленный луч

света от Источника, отсутствие добра. Прилагаются пути спасения человека: через не нарушение основного Дао и «серединный путь» в нирвану, не нарушение меры и гармонии. Таким образом, проанализировав диалектику добра и зла в различных религиозных культурах, мы рассмотрели пять основных моделей:

Первая модель, построенная по принципу «или добро, или зло, а третьего не дано», силового воздействия, условно была обозначена как дизъюнктивная. Вторая модель – как «конъюнктивная» («зло как сознательно перевернутое добро»), отклонение в противоположную сторону от добра, или же возвращение к добру). Третья модель – «зло как отсутствие или неразвитое состояние добра». Четвертая – взаимообусловленность и взаимопереход противоположных этических сторон, отрицающая их абсолютное разграничение. Пятая – «зло как отдаленность от добра». Конечно, эти модели условны и выделены нами в философско-рефлексионном плане для дальнейшего уточнения.

В процессе социокультурной коммуникации западной и восточной культур проявляется активный интерес со стороны западной культуры к ценностям восточной. Для рассмотрения множественных точек зрения, диалога культур, думается будет ценным обращение к ключевым этическим категориям «добра» и «зла», которые, как мы показали, не имеют только однозначно бинарной оппозиции, а предполагают более глубокие диалектические алгоритмы. А так как эти категории являются определяющими в поступках человека, то именно с акцента на поливариантность подходов в оценке этих поступков и следует искать основы многоцентричности и диалога в гуманитарных знаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Иванова Е.В. Современный инфернальный культурный герой как элемент религиозной мифологии // Журнал Сибирского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки». – 2013. – № 6. – С.194-201.

2. Томпсон М. Восточная философия / Томпсон М. Восточная философия / Пер. с англ. Ю. Бондарева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 384 с.

УДК 172.12

Д. С. КЕЗИНА

г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет

РОЛЬ ЭТИКИ В ПРОВЕДЕНИИ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена проблеме невозможности проведения неоиндустриализации в России без применения научной социальной философии и этики как одной из ее важнейших дисциплин. Рассматривается вопрос о необходимости формулирования современного (неоиндустриального) нравственного императива.

Нравственный императив, общественный договор, неоиндустриализация, творчество, прикладная этика, этика гражданственности

D. S. KEZINA

THE ROLE OF ETHICS IN NEOINDUSTRIALIZATION IN MODERN RUSSIA

The article is devoted to the problem of the impossibility of holding neo-industrialization in Russia without the use of scientific social philosophy and ethics as its one of the most important disciplines. We discuss the question of the necessity of formulating the modern (neo-industrial) moral imperative.

Moral imperative, a social contract, neo-industrialization, creativity, applied ethics, ethics of citizenship

В современной России проблема проведения неоиндустриализации признается рядом ведущих экономистов как одна из ключевых, стратегических. В заявленной теме исследования нашей конференции «Этика в современной философско-культурологической перспективе» нас интересует связь этической